

ОЧЕРКИ ХИВИНСКАГО ХАНСТВА (*).

I.

Ханство Хивинское, къ предѣламъ котораго направлены теперь наши отряды, было нѣкогда государствомъ довольно обширнымъ и относительно могущественнымъ. Самостоятельное существованіе его начинается съ конца XIV столѣтія, послѣ распаденія тамерланова царства, когда Хивою овладѣваютъ узбеки, народъ тюркской расы, составляющій и до нынѣ господствующее населеніе ханства. Въ средніе вѣка, хивинскіе ханы владѣли значительною частью Средней Азии и даже Персіи, и, сколько можно судить по нѣкоторымъ оставшимся памятникамъ и историческимъ свидѣтельствамъ, пространство къ западу и сѣверо-востоку отъ нынѣшняго хивинскаго оазиса было, въ то время, хорошо населено и обработано, и торговля ханства находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Но это продолжалось недолго: смуты и неурядицы, вызывавшіяся властолюбіемъ и соперничествомъ отдѣльныхъ правителей хивинскихъ городовъ, до того ослабили это государство, что оно не только не въ состояніи было удержать отдаленныя свои владѣнія, но подвергалось частымъ нападеніямъ какъ осѣдлыхъ, такъ и кочевыхъ своихъ сосѣдей. Въ XVIII столѣтіи, Хива даже совершенно утратила политическую независимость и подпала подъ власть Персіи. Только съ началомъ настоящаго вѣка, Хивинское ханство возвращаетъ свою самостоятельность и, въ управленіе энергическаго Мухамедъ-Рахимъ-хана (соименикъ нынѣшняго владѣтеля Хивы), начинаетъ распространять свою власть на ближайшія кочевыя племена. Преемники этого хана продолжали слѣдовать его пути, такъ что, уже въ началѣ сороковыхъ годовъ, границами ханства были, на сѣверѣ, крайній сѣверный обрывъ Усть-Урта и Сыръ-дарья; на востокѣ—Бизыль-кумы и бухарскія владѣнія; съ юга—Хорасанскія горы и съ запада—неопредѣленное пространство отъ р. Аму къ Каспійскому морю. Но съ утверженіемъ на ханскомъ престолѣ отца нынѣшняго владѣтеля, Седъ-Мухамеда, въ 1856 году, Хива быстро клонится къ упадку, постепенно теряетъ свою власть надъ значительнѣйшею частью туркменъ и киргизовъ, и, наконецъ, приходитъ въ то ничтожное положеніе, въ которомъ она теперь находится.

Этотъ бѣглый историческій обзоръ политическихъ превратностей Хивинскаго ханства не заключаетъ въ себѣ, конечно, многихъ интересныхъ свѣдѣній о сношеніяхъ Хивы съ Россіею, о нашихъ экспедиціяхъ туда и неоднократныхъ посольствахъ. Но факты эти, въ общихъ чертахъ, болѣе или менѣе извѣстны и не имѣютъ непосредственнаго соотношенія къ тому предмету, о которомъ мы намѣрены го-

Р. Мух
м. Д. 08
176
" 77

отношенія къ тому предмету, о которомъ мы намѣрены говорить: цѣль настоящей замѣтки состоитъ въ томъ, чтобы представить сжатый очеркъ нынѣшней хивинской территории, ея производительныхъ силъ, жителей, главнѣйшихъ заселенныхъ и укрѣпленныхъ пунктовъ, политическаго и административнаго устройства ханства, его военныхъ средствъ, и, наконецъ, путей, ведущихъ къ нему изъ русскихъ сосѣднихъ владѣній. Позволяемъ себѣ думать, что это будетъ не безынтересно для тѣхъ изъ читателей, которые, по какимъ-либо причинамъ, не имѣютъ возможности ознакомиться съ трактующими объ означенномъ предметѣ сочиненіями (**).

Опредѣлить въ точности нынѣшніе предѣлы Хивы почти невозможно, такъ какъ, за исключеніемъ береговъ Аральскаго моря на сѣверѣ, она, съ другихъ трехъ сторонъ, окружена степями, кочевые обитатели которыхъ признаютъ себя хивинскими подданными лишь тогда, когда они находятъ это для себя выгоднымъ. Примѣрно же, границы ханства могутъ быть обозначены такъ: на сѣверѣ — южные берега Аральскаго моря и уроч. Дау-кара; на сѣверо-востокѣ — южная оконечность Кизыль-кумовъ, а на востокѣ, пески Батпакъ-кумъ, которыми Хива граничитъ съ Бухарою, до самой Аму-дарьи, примѣрно около Кукертли. Отсюда, по направленію къ западу и сѣверо-западу предѣлы Хивы простираются не далѣе какъ верстъ на 150 отъ лѣваго берега Аму. Значительнѣйшая, однако, часть этого пространства представляетъ почти совершенно непроизводительную поверхность, покрытую сыпучими песками или солонцами, или обширными болотами, поросшими густымъ камышемъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются кормовыя травы пустыни, дающія возможность кочевникамъ содержать здѣсь свои табуны.

Среди же этихъ безотрадныхъ степей лежитъ, такъ называемый, хивинскій оазисъ, представляющій какъ бы обѣтованную землю для путниковъ, направляющихся, съ какой бы то ни было стороны, къ Хивѣ. Этотъ оазисъ (**), счи-

(*) При № 5-мъ «Военнаго Сборника» будетъ разослана подписчикамъ «Карта Закаспійскаго края» и пр., а въ самомъ журналѣ будетъ помѣщена объяснительная статья, въ видѣ военно-статистическаго очерка «Хивинскаго ханства и доступовъ къ оному». Ред.

(**) Считаемъ необходимымъ оговориться, что предлагаемая статья составлена на основаніи нѣкоторыхъ извѣстныхъ сочиненій о Хивѣ, причемъ мы пользовались также весьма цѣннымъ сборникомъ матеріаловъ г. Венюкова и неизданными рукописными свѣдѣніями, относящимися къ ближайшему намъ времени.

(***) При чтеніи этой замѣтки можетъ служить съ пользою, составленная г. Люсинымъ, карта Закаспійскаго края, Хивы и прилегающихъ странъ.

тая отъ горъ. Питняка внизъ до Бунграда, лежитъ преимущественно по лѣвому берегу Аму-дарьи и на немъ группируется осѣдлое населеніе ханства. Возможность существованія на этомъ участкѣ осѣдлостей, не смотря на песчаную и глинистую почву, обуславливается, исключительно теченіемъ р. Аму, воды которой, искусственно направляемыя на сосѣднія мѣстности, сдѣлали изъ названнаго клочка земли одинъ изъ плодороднѣйшихъ уголковъ Средней Азии.

Такъ какъ Аму-дарья, въ хивинскихъ предѣлахъ, не принимаетъ въ себя ни одного притока, то для орошенія полей необходимо было устроить обширную ирригаціонную систему, питаемую непосредственно самою рѣкою. Начиная отъ Питняка, мы видимъ множество оросительныхъ каналовъ изъ которыхъ десять главнѣйшихъ отдѣляются влѣво отъ Аму, а четыре—вправо отъ нея. Каналы эти, достигаютъ отъ 20-ти до 85-ти, 90-ти, 135-ти верстъ длины (какъ, примѣръ, полванъ-атинскій, казаватскій, шахъ-абатскій) имѣющіе въ ширину отъ 3-хъ до 25-ти сажень, развѣтвляются, въ свою очередь, на массу мелкихъ арыковъ (канавъ разводящихъ воду изъ нихъ по сосѣднимъ пашнямъ. Теченіе Аму-дарьи весьма быстрое; лѣвый берегъ отъ Питняка внизъ, почти до Бунграда, большею частью, крутъ, хотя и не высокъ; правый же значительно выше, въ особенности на протяженіи, вдоль Шейхъ-джелійскихъ горъ. Береговая почва, съ правой стороны, глинисто-солонцоватая и изрѣдка песчаная, а съ лѣвой, состоитъ преимущественно изъ песковъ. Наибольшей ширины Аму достигаетъ въ части своего теченія отъ Питняка до горъ Гурлена, — до 415 саж., далѣе до крѣпости Бента, рѣка имѣетъ 330 сажень ширины и отсюда начинаетъ постепенно суживаться, такъ что у Бунграда, разстояніе между ея берегами не превышаетъ 60 саж. На всемъ своемъ теченіи, Аму-дарья образуетъ множество острововъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ до 15-ти верстъ длины; но большая часть изъ нихъ низки и обнаруживаются лишь при спадѣ воды. Бродовъ черезъ Аму до сихъ поръ неизвѣстно.]

У крѣпостцы Бентъ, Аму-дарья развѣтвляется уже на естественные рукава, образующіе обширную болотистую дельту, значительная часть которой, сѣвернѣе Бунграда, покрыта сплошь густымъ камышемъ, пробраться чрезъ который возможно только по узкимъ тропинкамъ, прорубленнымъ для сообщенія каракалпаками и киргизами. Число естественныхъ рукавовъ Аму восемь, кромѣ Ульхунъ-дарьи которую хивинцы считаютъ продолженіемъ главнаго русла рѣки. Отъ него отдѣляется влѣво пять рукавовъ: Дауданъ впадающій въ Айбугирское озеро, съ протокомъ Саркраукомъ, нынѣ запруженнымъ хивинцами, а въ прежнія времена, служившимъ, вѣроятно, главнымъ русломъ Аму-дарьи, при направленіи ея теченія въ Каспійское море. Въ сороковыхъ годахъ, Дауданъ былъ самымъ мно-

ре. Въ сороковыхъ годахъ, Лауданъ былъ самымъ многоводнымъ изъ аму-дарьинскихъ рукавовъ, но уже въ 1859 году, устье его, у озера Айбугира, имѣло всего 1½ фут. глубины и самъ Айбугиръ, бывшій прежде заливомъ Аральскаго моря, образуетъ нынѣ озеро, заросшее густымъ камышемъ и отдѣляющееся отъ моря перешейкомъ, идущимъ отъ мыса Ургу. Слѣдующіе затѣмъ лѣвые рукава Аму — Чуманай, Кыять-джарганъ и Кокъ-дарья начинаются нѣсколько ниже крѣпостцы Нукуса и вливаются также въ Айбугиръ. Только пятый рукавъ слѣва, Талдыкъ, отдѣляющійся ниже Бунграда, доходитъ до Аральскаго моря, но глубина надъ его баромъ лишь около 1½ фут. По берегамъ этого рукава встрѣчаются превосходныя луговыя мѣста, много пашень и бахчей.

Вправо отъ себя, главное русло Аму даетъ три рукава: Букъ-узьякъ (Куванъ-джарма или Касарма), вытекающій у гор. Ходжейли, направляется на с.-в. къ озеру Дау-бара, отъ котораго отдѣляетъ протокъ Янги-су, вливающейся въ море, въ заливъ Туще-басъ. Этотъ послѣдній протокъ имѣетъ глубину отъ 2-хъ до 8-ми фут.; берега его богаты саксауломъ (степное дерево, служащее топливомъ) и отчасти покрыты пашнями. Весь рукавъ Букъ-узьякъ не изслѣдованъ; киргизы же увѣряютъ, что въ половодье онъ проходимъ отъ моря до гор. Ходжейли. Второй рукавъ Карабайлы отдѣляется ниже кр. Нукуса и потомъ, въ 30 верстахъ за Бунградомъ, снова соединяется съ главнымъ русломъ Аму. Протокъ этотъ относительно многоводенъ и значительную массу своихъ водъ разливаетъ по низменностямъ, образуя камышевыя озера. Не доходя до моря версть 60—70, Аму-дарья выпускаетъ еще одинъ рукавъ вправо, — Казакъ-дарью, количество воды, въ которомъ, по распроснымъ свѣдѣніямъ, съ каждымъ годомъ увеличивается, почему киргизы считаютъ этотъ рукавъ особенно удобнымъ для судоходства.

Ульхунъ-дарья, считающаяся, какъ мы выше замѣтили, главнымъ русломъ Аму, дѣйствительно отвѣчаетъ своему прозвищу (ульхунъ—большой), такъ какъ обліемъ воды превосходитъ прочіе рукава. Ширина ея отъ 80 до 150 саж.; глубина же, у Бунграда, фута 4, а далѣе отъ двухъ до пяти сажень. Количество воды въ Ульхунъ-дарьѣ увеличивается, благодаря множеству протоковъ съ правой стороны, глубина которыхъ доходитъ до шести саж. Посредствомъ одного изъ этихъ протоковъ Ульхунъ-дарья входитъ, вѣроятно, въ сообщеніе, чрезъ Казакъ-дарью и озера, съ рукавомъ Букъ-узьякомъ.

Относительно судоходности Аму-дарьи можно сказать, что

на сколько течение этой рѣки изслѣдовано Борисомъ и лейтенантомъ Можайскимъ, она не представляетъ трудностей для плаванія, за исключеніемъ своихъ устьевъ. По измѣреніямъ же г. Бутакова, наименьшая глубина Аму, отъ Бунграда до выхода рукава, Букъ-узяка, показана въ 4 фута, что все-таки допускаетъ возможность прохода для судовъ съ мелкой осадкою. Для насъ особенно важно было бы воспользоваться предпринятою нынѣ экспедиціею, для тщательнаго изслѣдованія не только теперешняго состоянія Ульхунъ-дарьи, но и рукавовъ Казакъ-дарьи и Букъ-узяка; первый изъ нихъ, если обиліе воды въ немъ подтвердится, можетъ послужить для обхода по немъ ульхунъ-дарьинскаго бара, а второй—представляетъ, ближайшій къ устьямъ Сыра, рукавъ Аму-дарьи, съ удобною якорною стоянкою въ заливѣ Туще-басъ, причемъ, составляющій его продолженіе, протокъ Янги-су изобилуетъ по берегамъ саксауломъ, идущимъ на топку пароходовъ.

Сдѣлавъ обзоръ естественныхъ рукавовъ Аму-дарьи, скажемъ также нѣсколько словъ о тѣхъ способахъ, которыми хивинцы пользуются для орошенія своихъ полей. Такъ какъ воды Аму служатъ единственнымъ источникомъ плодородія хивинскаго оазиса, то отъ количества ихъ, проведеннаго на поля, зависитъ степень урожая, а слѣдовательно и благосостоянія жителей. Подобно Нилу, и Аму-дарья наноситъ иногда опустошеніе своими разливами, затопля пашни и дѣлая ихъ негодными для посѣва; съ другой стороны, въ случаѣ недостаточности разливовъ рѣки, поля оставались бы безъ должнаго орошенія и непроизводительными, такъ какъ атмосферное увлажненіе почвы, въ этой части Средней Азіи, слишкомъ ничтожно. Поэтому, весь вопросъ веденія правильнаго и успѣшнаго хлѣбопашества и садоводства заключается въ искусствѣ своевременнаго пользованія разливами Аму-дарьи. Выше мы указали на главную сѣть каналовъ, изъ которой вода разводится въ многочисленныя оросительныя каналы, пересѣкающія пашни и сады; большая часть каналовъ выведена на лѣвомъ берегу Аму, который имѣетъ постепенный наклонъ къ с.-з. Но дабы разливы рѣки не затопили эту мѣстность, хивинцамъ пришлось воздвигнуть, на лѣвомъ берегу, земляной валъ, такой высоты, чтобы, при самыхъ значительныхъ разливахъ Аму-дарьи, вода ея не превышала поверхности вала; подобные же валы устраиваются, гдѣ нужно, и между иригаціонными каналами. Не смотря, однако, и на эти мѣры предосторожности, случалось иногда, что вода изъ рѣки вторгалась чрезъ подобныя плотины и затопляла большія пространства. Самое же орошеніе полей и садовъ, на лѣвомъ берегу Аму, производится посредствомъ трубъ, вры-

тыхъ въ землю поперегъ вала и чрезъ которыя, во время поводья, вода спускается, по желанію земледѣльца, на требуемый участокъ земли, по достаточномъ орошеніи котораго трубы запираются. Этотъ способъ употребляется на мѣстности низменной; на поверхности же, превышающей поводье Аму-дарьи, какъ на примѣръ на правомъ, вообще болѣе высокомъ, ея берегу, поля орошаются поднятіемъ воды чигирями или водочерпальными колесами, для чего требуется движущая сила верблюдовъ или воловъ.

Съ началомъ каждой весны, въ осѣдлой части Хивинскаго ханства приступаютъ къ дѣятельнымъ работамъ по расчисткѣ каналовъ отъ нанесеннаго въ нихъ ила и углубленію ихъ, для чего наряжается болѣе 100,000 рабочихъ въ теченіи двухъ недѣль. Въ числѣ этихъ рабочихъ участвуютъ персіяне-рабы, а также плѣнные наши соотечественники. Такъ какъ изъ трехъ ежегодныхъ разливовъ Аму-дарьи, самый главный бываетъ въ апрѣлѣ и маѣ, то хивинскіе земледѣльцы стараются воспользоваться этимъ временемъ для обезпеченія производительности своихъ посѣвовъ. Воду въ каналы напускаютъ только тогда, когда она необходима для орошенія, дабы долгое пребываніе ея въ нихъ не нанесло много ила; по минованіи же надобности въ орошеніи, всѣ каналы, проведенные изъ Аму, запружаются.

Много трудовъ и искусства рукъ человѣческихъ необходимо было для сооруженія тѣхъ приспособленій, которыя обратили часть разсматриваемой нами страны, отличающуюся такимъ же степнымъ характеромъ, какъ и окружающія ея пространства, въ удобное жилище для осѣдлыхъ поселеній. Но, не смотря и на эти усилія изъ всей поверхности дельты Аму-дарьи, — принимая за южную оконечность ея начало искусственныхъ развѣтвленій у Питняка, — простирающейся до 260 квадр. миль, едва 100 квадр. миль могутъ быть отчислены на производительную часть ханства. Остальное пространство — степи и болота, и даже промежутки между каналами, куда не проникаетъ орошеніе, представляютъ пески съ степною растительностью, годною лишь для корма скота кочующихъ на нихъ туркменовъ.

Главная масса хивинскаго осѣдлаго населенія сосредоточена, какъ уже выше сказано, на лѣвой полосѣ дельты Аму, такъ какъ правый берегъ ея представляетъ гораздо большія трудности для его орошенія; поэтому, на немъ мы видимъ лишь весьма ограниченное число населенныхъ пунктовъ, и то, преимущественно, у переправъ черезъ рѣку, на главныхъ караванныхъ путяхъ. Вообще, дельту Аму-дарьи можно раздѣлить на три полосы: южную, ограниченную съ сѣвера системою арыковъ шахъ-абатскаго канала, и самую богатую по густотѣ населенія и производи-

тельности; мѣстность этой полосы ровная, при слабомъ наклонѣ къ западу, а почва глинистая и глинисто-солонцеватая. Среднюю — простирающуюся до рукава Лаудана, съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ и съ преобладаніемъ пустырей надъ обработанными землями. Почва такая же, какъ и въ предыдущей полосѣ; наконецъ, сѣверную, между Лауданомъ и Аральскимъ моремъ, рѣзко отличающуюся отъ двухъ первыхъ тѣмъ, что она почти вся покрыта кустарникомъ и камышемъ. Пашни и сады, а также осѣдлое населеніе группируются лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близъ Аму. Поверхность этой полосы ровная и низменная, а почва, преимущественно, болотистая и солонцеватая.

По географическому своему положенію, Хива имѣетъ климатъ степной, континентальный: лѣтомъ удушливые жары, зимою морозы, доходящіе иногда до 19° , но непродолжительные. Въ февралю мѣсяцу, Аму-дарья всегда освобождается отъ льда, покрывающаго ее не долѣе мѣсяца и вскорѣ затѣмъ начинается весна. Лѣто можно считать съ апрѣля, такъ какъ уже тогда жары весьма чувствительны и чѣмъ далѣе, тѣмъ становятся болѣе нестерпимы отъ густыхъ облаковъ песчано-глинистой пыли. Осень дѣлается ощутительною лишь во второй половинѣ ноября, но начало зимы опредѣлить трудно, такъ какъ отличительною ея чертою есть крайнее непостоянство погоды; снѣгъ же, иногда, вовсе не выпадаетъ, или же начинаетъ порошиться въ срединѣ декабря, покрывая землю не болѣе какъ на 3—4 дня. Сухость климата весьма велика и дожди, выпадающіе лишь изрѣдка весною и осенью, чрезвычайно рѣдки. Грозъ же и града почти не бываетъ.

Хотя эпидемическія болѣзни въ Хивинскомъ ханствѣ бываютъ чрезвычайно рѣдко (*), но за то тамъ встрѣчаются нѣкоторыя опасныя болѣзни, какъ на примѣръ, злокачественная лихорадка, оспа (между дѣтьми), чахотка и воспаление глазъ отъ чрезмѣрной сухости воздуха и пыли. Въ особенности, слѣдуетъ остерегаться лихорадки, одинъ изъ видовъ которой, съ повтореніемъ пароксизма черезъ каждые два дня, оканчивается у хивинцевъ, большею частью, смертельнымъ исходомъ. Наибольшая смертность бываетъ въ іюлѣ и январѣ. Впрочемъ, на иностранцевъ хивинскій климатъ не обнаруживаетъ особенно вреднаго вліянія; по крайней мѣрѣ, бывшіе въ Хивѣ наши плѣнные пользовались тамъ вообще хорошимъ здоровьемъ. А. Ш.

(*) Намъ неизвѣстно, отразилась-ли на Хивѣ холера, свирѣпствовавшая въ прошломъ году въ Сыръ-дарьинской области и въ...

ОЧЕРКИ ХИВИНСКАГО ХАНСТВА (*).

II.

Если мы взглянемъ на представителей растительной жизни на хивинской почвѣ, то и между ними найдемъ рѣзкое различіе, обуславливаемое, впрочемъ, не самою природою, а лишь количествомъ трудовъ, положенныхъ въ землю, для улучшения ея производительности. Такъ, пространства, окружающія ядро хивинскаго оазиса съ востока, юга и запада, состоя изъ песчаныхъ или глинисто-солонцеватыхъ степей, имѣютъ крайне скудную растительность, или же совершенно лишены ея, какъ напр. южныя и юго-западные степи, представляющія безотрадные, мертвенныя пустыни. Главнѣйшіе виды травяной растительности въ степи состоятъ изъ полыни, доставляющей, послѣ морозовъ, порядочный кормъ, колючки, оржанца и др., изъ древесныхъ породъ особенно замѣчательнъ саксаулъ, узловатое деревцо съ кривымъ стволомъ, ищущее преимущественно песчано-солонцеватой почвы и дающее прекрасное топливо; кромѣ того встрѣчаются кустарники джизгуна, джангиля, гребенщика, растущіе въ мѣстахъ, гдѣ вода близка къ поверхности земли. По обилію травъ и растительности лучшимъ степнымъ мѣстомъ въ Хивинскомъ ханствѣ можетъ считаться уроч. Дау-кара, къ востоку отъ естественной дельты Аму-дарьи; хорошій кормъ находится также на юго-восточномъ берегу Аральскаго моря, по старымъ дюнамъ. Наконецъ устье Аму, съ его рукавами и озерами, изобилуетъ камышомъ, джидой, ивнякомъ и таломъ; зимою въ камышахъ устраиваютъ свои стойбища киргизы, а лѣтомъ они наполняются тиграми и кабанами.

Благодаря искусственному орошенію извѣстной части Хивинскаго ханства, мѣстность эта сдѣлалась удобною для успѣшнаго хлѣбопашества и садоводства. Главнѣйшія хлѣбныя растенія, разводимыя въ ханствѣ, слѣдующія: пшеница—сѣется раннею весною, а въ началѣ іюня производится жатва; для этого рода хлѣба земля уваживается (***) особенно тщательно и наводняется отъ 5 до 6 разъ. Въ урожайные годы пшеница даетъ, иногда, самъ 60. Сарачинское пшено сѣютъ въ началѣ апрѣля и снимаютъ въ сентябрѣ; оно разводится преимущественно въ мѣстностяхъ, изобилующихъ арыками. Урожай его бываетъ самъ 40—70. Джугара (родъ сорго) — зерно его идетъ въ пищу и замѣняетъ овесъ для лошадей, а стебель дается скоту вмѣсто сѣна; урожай самъ 300. Затѣмъ назовемъ еще ячмень, просо, чечевичу и горохъ.

Кромѣ того, въ Хивинскомъ ханствѣ воздѣлываются также растенія, идущія на мануфактурную обработку: хлопокъ (кавашъ), преимущественно въ южной части ханства;

покъ (кавашъ), преимущественно въ южной части ханства; конопля — на сѣверѣ, идетъ исключительно на веревки; табакъ, разводимый въ ограниченномъ числѣ; кунжутъ (растение съ маслянистымъ сѣменемъ); ленъ — въ небольшомъ количествѣ растущій въ сѣверной части, и марена, доставляющая хорошую красную краску.

Такъ какъ въ хивинскомъ оазисѣ почти нѣтъ луговыхъ мѣстъ, то для домашняго скота жители засѣваютъ на поляхъ дженушку (люцерну), скашиваемую до трехъ разъ въ лѣто и дающую весьма питательный кормъ. Дженушка сѣется также каракалпаками и киргизами въ дельтѣ Амударьи.

Но чѣмъ особенно можетъ похвалиться хивинскій оазисъ, это богатствомъ и разнообразіемъ фруктовъ, отличающихся необыкновенно пріятнымъ вкусомъ. Здѣсь растутъ превосходные яблоки, груши, сливы, абрикосы, изюмъ, гранаты, персики, виноградъ, фиги, айва и проч. Славятся также арбузы и, въ особенности, дыни. Огородныхъ растений въ Хивѣ почти не водится, за исключеніемъ моркови и луку. Слѣдуетъ еще упомянуть о деревьяхъ, требующихъ также тщательнаго ухода, и идущихъ на строительные матеріалы, какъ на примѣръ тополь, растущій въ изобиліи и достигающій 8 саж. вышины; наруанъ и караманъ (родъ вяза) идутъ также на постройки домовъ, арбъ и выдѣлку колесъ. Наконецъ тутъое дерево, во множествѣ разводимое по арыкамъ, и питающее своими листьями шелковичныхъ червей.

Скотоводство крайне ограничено въ осѣдлой части Хивы и рогатый скотъ весьма мелкой породы: овцы, воны, коровы держатся только по нѣскольку головъ. Верблюдовъ также мало; между ними водятся и нары (одногорбой породы), болѣе рослые и сильные чѣмъ двугорбые. Ослы вообще малорослы, но сильны и употребляются въ упряжь (въ арбы) и подъ верхъ. Лошади бываютъ киргизскія, слабосильныя и малорослыя; караиры (помѣсь киргизской съ аргамакомъ), крѣпкіе и статные кони, и аргамаки чистой туркменской породы, высокія, стройныя и красивыя лошади, отличающіяся силой, выносливостью, быстрымъ бѣгомъ, вслѣдствіе чего онѣ и цѣнятся чрезвычайно дорого. Кочевые обитатели Хивинскаго ханства богаче скотомъ, чѣмъ осѣдлое населеніе, хотя значительно уступаютъ въ этомъ отношеніи нашимъ оренбургскимъ и сибирскимъ киргизамъ.

(*) См. № 76-й «Русскаго Инвалида».

(**) Вслѣдствіе ограниченности скотоводства, хивинцы употребляютъ для назема землю, взятую близъ жилья, перемѣшанную съ сухою травой, золою и даже съ глинною изъ разрушенныхъ строеній.

Посмотримъ теперь, изъ какихъ составныхъ частей слѣ-
гается населеніе Хивинскаго ханства. Определить его въ
точности немыслимо, по весьма понятнымъ причинамъ: и
тѣ свѣдѣнія, которыя удалось собрать бывшимъ въ Хивѣ
европейцамъ, отличаются одно отъ другаго крайнимъ про-
тиворѣчіемъ, а потому приводимыя ниже цифры, согласо-
ванныя отчасти и съ распросными свѣдѣніями, собранными
ближайшимъ къ Хивѣ туркестанскимъ мѣстнымъ началь-
ствомъ, могутъ оказаться, на самомъ дѣлѣ, совершенно
другими.

Начнемъ съ осѣдлаго населенія; къ нему причисляются:
узбеки, таджики и персы. Первые, узбеки, составляютъ
господствующую народность не только въ Хивѣ, но и
въ Бухарѣ и Боканѣ, такъ какъ они завоеватели Средней
Азіи, хотя въ умственномъ отношеніи, а слѣдовательно
и въ нравственномъ преобладаціи, уступаютъ таджикамъ.
Общее число ихъ въ ханствѣ простирается до 100,000 че-
ловѣкъ; населеніе это сосредоточивается преимущественно
въ средней и южной полосѣ, а также въ городахъ; узбеки
занимаются земледѣліемъ, отчасти торговлею и составляютъ
главный контингентъ постояннаго хивинскаго войска. Тад-
жики—аборигены Средней Азіи, народъ индо-персидской
расы, около пяти сотъ лѣтъ тому назадъ, поработни-
ный узбеками, живетъ теперь вмѣстѣ съ ними безъ
особой розни, занимаясь также земледѣліемъ и торгов-
лею, которая, благодаря ловкости и хитрости таджиковъ,
почти всецѣло находится въ ихъ рукахъ. Кроме того, они
занимаютъ также весьма важныя и доходныя мѣста въ
хивинской администраціи, стремясь и въ политическомъ
смыслѣ взять верхъ надъ узбеками. Число ихъ можно
опредѣлить также тысячъ въ сто, или даже нѣсколько бо-
лье. Персіяне составляютъ класъ рабовъ или вольноотпу-
щенные и потомки ихъ; численность ихъ, по Вамбери,
до 40 тыс. чел. Они занимаются земледѣльческими работа-
ми и представляютъ самое трудолюбивое населеніе ханства.

Бочевыя народности Хивы состоятъ изъ каракалпа-
ковъ, живущихъ по берегамъ устья Аму-дарьи, почти
до Дау-кары, а также и на правомъ берегу Аму, между
Кипчакомъ и Гурленомъ; ихъ считаютъ до 10,000 кибитокъ,
т.-е. примѣрно около 45,000 человекъ. Они занимаютъ
преимущественно хлѣбопашествомъ, платятъ хану зякетъ,
и выставляютъ людей на войну, но управляются собствен-
ными старшинами. Они промышляютъ также рыболовствомъ,
для чего держатъ лодки, сдѣланныя изъ кусковъ мѣстнаго
лѣса и скрѣпленныя желѣзомъ. Большія изъ этихъ лодокъ
поднимаютъ до 300 пудовъ груза, а малыя до 50; такихъ
лодокъ, въ дельтѣ Аму-дарьи, отъ моря до Кунграда, мож-
но собрать около 150. Каракалпаки весьма трудолюбивы,
не принадлежатъ къ воинственному племени, много тер-
пятъ отъ хивинскихъ поборовъ и не прочь подчиниться

пять отъ хивинскихъ поборовъ и не прочь подчиниться всякому, кто избавитъ ихъ отъ настоящаго гнета. Бургизы занимаютъ также низовья Аму, частью кочуя съ каракалпаками, а частью располагаясь по берегамъ Таадыка и Айбугира. Главное ихъ занятіе скотоводство, почему они часто перекочевываютъ къ берегамъ Аму-дарьи или въ окрестности Дау-кары, къ протоку Янги-су, около котораго хорошіе луга. Число киргизовъ отъ 6,000 до 7,000 кибитокъ, примѣрно 35,000 человѣкъ. Туркмены кочуютъ на западныхъ и южныхъ окраинахъ ханства, а также и въ степныхъ полосахъ между ирригаціонными каналами. Число ихъ еще труднѣе опредѣлить, такъ какъ они часто переходятъ на югъ и обратно; во всякомъ случаѣ ихъ должно быть немного и, вѣроятно, не болѣе 10—15,000 человѣкъ. Они, въ случаѣ надобности, могутъ также оказать помощь вооруженными людьми хану, но преданность ихъ весьма сомнительнаго качества и, при первой неудачѣ, бѣдному хивинскому населенію придется пострадать гораздо болѣе отъ этихъ хищныхъ союзниковъ, чѣмъ отъ непріятеля.

Бромѣ перечисленныхъ выше народностей, въ Хивѣ встрѣчаются еще арабы и евреи, въ самомъ незначительномъ числѣ, а также кочевое авганское племя ямшидовъ, живущее въ крайней нищетѣ, въ окрестностяхъ Буны-Ургеича, Мангита и Бипчака.

Изъ этого обзора мы можемъ вывести, что общее народонаселеніе Хивинскаго ханства выражается въ слѣдующихъ, приблизительныхъ, цифрахъ: осѣдлаго — 240,000 человѣкъ и кочеваго, вмѣстѣ съ мелкими племенами — до 100,000 человѣкъ. Всего около 340,000 жителей.

Большая часть населенныхъ пунктовъ ханства мало чѣмъ отличается отъ обыкновенныхъ средне-азіятскихъ кишлаковъ (деревень), и состоитъ изъ мазаныхъ саклей, съ кривыми, грязными или пыльными улицами. Почти всѣ онѣ обнесены стѣною, хотя въ рѣдкихъ изъ нихъ эта ограда находится не въ развалинахъ, и окружены садами и пашнями. Укажемъ на главнѣйшіе изъ этихъ пунктовъ, къ которымъ можетъ быть примѣнено названіе города.

Хива, столица ханства, лежитъ на двухъ арыкахъ системы канала Полванъ-ата и окружена наружною глиняною стѣною, болѣе шести верстъ въ окружности и вышиною въ 10 футовъ. Въ срединѣ города находится еще внутренняя стѣна, до двухъ верстъ въ окружности, высота ея $3\frac{1}{2}$ сажени, а нижняя толщина до 4-хъ сажень; эта ограда вмѣщаетъ въ себѣ ханскіе дворцы, дома важнѣйшихъ са-

новниковъ, и ѣсколько медресе—высшихъ духовныхъ училищъ, которыхъ считается въ Хивѣ 22. Внутренній городъ образуетъ какъ бы цитадель, съ тремя воротами, по сторонамъ которыхъ расположены 20 орудій на лафетахъ. Вообще, въ Хивѣ имѣется 17 мечетей и до 300 лавокъ; число же жителей около 20,000. Внѣшній городъ имѣетъ большой базаръ, а окрестности его изобилуютъ множествомъ садовъ; въ числѣ послѣднихъ находятся и лѣтнія резиденціи хана.

Бунградъ, лежитъ на берегу рукава Талдыка, обнесенъ стѣною съ не особенно глубокимъ рвомъ; часть же стѣны смывается водою. Внутри города всѣ дома въ развалинахъ, исключая помѣщенія градоправителя; жители, которыхъ отъ 6-ти до 8,000, расположены въ 3,000 кибиткахъ. Здѣсь производится довольно значительная торговля скотомъ, пригонемымъ киргизами, и земледѣльческими продуктами, цѣны на которые, въ послѣднее время, были вообще не высоки. Артилеріи постоянно не имѣется.

Уджейли, въ 65-ти верстахъ къ юго-востоку отъ Бунградъ, на каналѣ Сувази, съ плохими укрѣпленіями, возведенными для защиты отъ набѣговъ туркменъ; постоянный гарнизонъ изображаютъ 30 джигитовъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, здѣсь до 8,000 (?) жителей, вѣроятно, считая окрестныя селенія.

Буня-Ургенчъ, на ханскомъ каналѣ, близъ стараго русла Аму; былъ прежде обширнымъ городомъ, но, послѣ частыхъ набѣговъ туркменъ (или калмыковъ), населеніе удаллось въ другія мѣста. Теперь же жителей въ немъ весьма мало; въ окрестностяхъ группируются аулы киргизовъ, удалившихся изъ Оренбургской степи.

Бентъ, на Аму, по постройкѣ плохая крѣпостенка; судя по распросамъ, имѣетъ три орудія малаго калибра.

Ташаузъ, въ 61½ верстѣ къ сѣверо-западу отъ Хивы. Обнесенъ большою стѣною, четыре сажени вышиною, и толщею въ основаніи до трехъ сажень. Въ самомъ городѣ жителей мало, но окрестности многолюдны; здѣсь имѣется деревянный мостъ чрезъ кан. Шахъ-абать.

Ив. Ургенчъ, въ 10-ти верстахъ отъ лѣваго берега Аму Обнесенъ, относительно, исправною стѣною, на которой имѣются орудія. Вокругъ сады; жителей 3,000.

Ички, вблизи переправы чрезъ Аму-дарью, имѣетъ, по распроснымъ свѣдѣніямъ, будто бы, 5,000 жителей; обнесенъ исправною стѣною, рвомъ для которой, съ одной стороны служить каналъ Казавать, съ другой — рва нѣтъ.

Хазаръ-аспъ, въ 57-ми верстахъ къ востоку отъ Хивы, послѣ нея считается лучшимъ укрѣпленнымъ городомъ ханства; имѣетъ довольно высокую и толстую стѣну. Относительно артилеріи свѣдѣній нѣтъ. Жителей около 4,000.

Кромѣ этихъ городовъ есть еще много другихъ, служащихъ или небольшими укрѣпленіями, или, большею частью, носящихъ одно только названіе городовъ.

Понятно, что въ такой полуварварской странѣ, какъ Хива, не можетъ быть и намека на какое либо правильное управленіе. Власть хана, въ полномъ смыслѣ слова, деспотическая, что, однако, нисколько не гарантируетъ его отъ ножа или яда его собственныхъ подданныхъ; ханъ непременно долженъ принадлежать къ узбекскому племени. Административное дѣленіе ханства основано на числѣ городовъ, къ которымъ приписано известное число деревень; правителями въ эти города назначаются лица по усмотрѣнію хана, которыя и управляютъ ими совершенно произвольно. Судопроизводство производится или лично самимъ ханомъ, если подданные обращаются непосредственно къ нему съ просьбою, или посредствомъ назіевъ—судей, рѣшающихъ дѣла по шаріату—

письменному закону (населеніе ханства сунитскаго толка, кромѣ персіянъ), и по адату — обычаю. Есть также третій способъ рѣшенія дѣлъ, предоставляемый высшимъ административнымъ лицамъ, — это урфу, т.-е. по произволу.

Сущестующія въ Хивѣ подати дѣлятся на слѣдующіе разряды: салгытъ, взимаемый съ каждаго домовладѣльца, отъ 4-хъ до 20-ти рублей въ годъ и $\frac{2}{5}$ съ урожая, если хлѣбопашество производится на ханской землѣ; тапная подать собирается съ садовъ, виноградниковъ и луговыхъ посѣвовъ, но не имѣетъ опредѣленнаго размѣра, такъ какъ разныя мѣстности уплачиваютъ ее различно. Кочевое населеніе платитъ особаго рода дань со скота, а именно: каракалпаки — со ста барановъ одного, съ 20-ти головъ рогатаго скота — одну и по одному съ каждыхъ 6-ти верблюдовъ. Киргизы вносятъ также подать со скота, но меньшую противъ каракалпаковъ; эти вносы перекладываются на деньги. Съ ввозимыхъ товаровъ собирается закеть, въ размѣрѣ $2\frac{1}{2}\%$ стоимости (*). Однако, всѣ эти подати, лежащіяся тяжкимъ бременемъ на бѣдное населеніе, не избавляютъ его какъ отъ поборовъ мѣстныхъ правителей, такъ и отъ чрезвычайныхъ налоговъ въ пользу хана, въ какихъ-либо экстренныхъ случаяхъ.

Полагаемъ не безъинтереснымъ привести здѣсь краткую характеристику главнѣйшихъ административныхъ лицъ ханства, начиная съ самого хана Мухамедъ-Рахима. Это еще молодой человекъ, лѣтъ 25-ти, весьма слабого характера, подчиняющійся минутному вліянію. Дѣла государства мало занимаютъ его и онъ охотнѣе предпочитаетъ проводить время въ гаремѣ или на соколиной охотѣ. Самъ онъ рѣдко высказываетъ свое мнѣніе въ важныхъ дѣлахъ, а собираетъ, въ такомъ случаѣ, совѣтъ.

Мадъ (Мухамедъ) Мурадъ, диванъ-беги, до послѣдняго времени, былъ самымъ вліятельнымъ совѣтникомъ хана, и въ началѣ прошлаго года, по возвращеніи обратно, отправленнаго на Кавказъ, хивинскаго посольства, рѣшительно высказывался противъ высылки русскихъ плѣнныхъ, доказывая, что такой поступокъ уронилъ бы достоинство хана и могъ быть принятъ за рабство съ его стороны. Мурадъ, напротивъ, находилъ, что плѣнныхъ слѣдуетъ держать въ залогъ, пока не представится дѣйствительной опасности, и этимъ можно будетъ сдерживать русскихъ.

Назаръ-ярымъ, кушъ-беги (первый министр), хотя и старшее, по званію, лицо въ государствѣ, но вышеназваннымъ своимъ товарищемъ оттертъ на задній планъ, вследствие чего оба эти сановника не долюбиваютъ другъ друга.

Полванъ-джанъ, мурза-баши (нѣчто въ родѣ министра иностранныхъ дѣлъ), ловкій человекъ, знакомый съ многими азійскими языками; говоритъ и по-русски.

Кромѣ этихъ лицъ, упомянемъ еще о двухъ извѣстныхъ киргизскихъ батыряхъ, пользующихся не только расположеніемъ хана, но и большою популярностью въ Хивѣ и среди кочевниковъ. Это Садыкъ и Азбергенъ, оба лица наѣзники и разбойники, неоднократно производившіе хищническіе набѣги на аулы нашихъ киргизовъ и на мелкія военныя партіи. Оба заклятые враги русскихъ.

Въ военномъ отношеніи Хивинское ханство самое слабое изъ всѣхъ средне-азійскихъ владѣній. Хотя бывшіе въ Хивѣ люди и видѣли постоянное войско, состоящее изъ 500 чел. пѣхоты и 1,000 чел. конницы, вооруженное ударными ружьями со штыками, но едва-ли это слабое ядро хивинской арміи способно принести какую бы то ни было пользу въ бою. Справедливѣе будетъ предполагать, что для защиты ханства отъ непріятеля, это войско можетъ быть

(*). Съ товаровъ, привозимыхъ кунцами-немагометанами, взимается закеть вдвойнѣ, т.-е. 5 проц.

съ большимъ успѣхомъ употреблено въ видѣ гарнизонной въ главнѣйшихъ городахъ, такъ какъ за стѣнами азiятцы дерутся гораздо упорнѣе, чѣмъ въ полѣ. Очевидцы увѣряютъ, что регулярное войско, сарбазы имѣютъ определенную форменную одежду отъ правительства и размѣщаются въ особыхъ казармахъ, выстроенныхъ въ цитадели г. Хивы. Жалованье они получаютъ помѣсячно до 20 руб. каждый. Артиллеристы состоятъ, большею частью, изъ индусовъ и авганцевъ. Выше мы упоминали, что у воротъ хивинской цитадели находится 20 орудій; къ этому слѣдуетъ также прибавить, что въ той же цитадели, подѣ навѣсомъ, стояло, въ 1869 г., еще 60 орудій, вылитыхъ сравнительно въ недавнее время.

Относительно нерегулярнаго войска, набираемаго въ экстренныхъ случаяхъ, и состоящаго преимущественно изъ конницы, говорить не стоитъ, такъ какъ оно можетъ имѣть значеніе лишь противъ подобнаго же скопища. Скажемъ только, что Хивинское ханство если и можетъ выставить 20,000 всадниковъ, то изъ нихъ, вѣроятно, большая часть будутъ туркмены, весьма малонадежный элементъ для защиты государства.

Въ заключеніе, не вдаваясь въ разборъ путей (*), ведущихъ изъ нашихъ предѣловъ къ Хивѣ, позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя только на общее ихъ направленіе и разстояніе до столицы ханства. Главнѣйшіе изъ этихъ путей, по которымъ могутъ быть направлены наши отряды, или по которымъ они уже двигаются, слѣдующіе:

1) Отъ форта Александровскаго (на Мангышлакѣ) чрезъ уроч. Бишь-акты, колод. Табынь-су, спускъ къ Айбугиру, Буня-Ургенчъ, къ Хивѣ 853 версты.

2) Отъ Красноводска на колод. Сюльмень, Чагыль, Дахли, Узунъ-кую и Дикча, къ Хивѣ, примѣрно 750 в.

3) Отъ поста Чикишляра, на ур. Мулла-кари, кол. Гезли-ата, Чагыль и т. д., какъ предыдущій, всего примѣрно 900 верстъ.

4) Отъ Оренбурга на Акъ-тюбе, Эмбенскій постъ, по западному берегу Аральскаго моря, къ Айбугиру и чрезъ Буня-Ургенчъ, къ Хивѣ 1,395 верстъ.

5) Изъ Базалинска на Ирбай, Иркибай, къ ур. Дау-кара, оттуда къ Хивѣ, примѣрно 725 верстъ.

6) Отъ Перовска къ Иркибаю и далѣе по предыдущему направленію, примѣрно 750 верстъ.

7) Изъ Джизака на сел. Ушма, Темиръ-кобукъ, вдоль сѣверной бухарской границы, до Мынь-булака, оттуда прямо къ Аму-дарьѣ и въ Хиву, примѣрно 800 слишкомъ верстъ.

Наконецъ, есть еще одинъ путь отъ Чикишляра къ Хивѣ, идущій первоначально вдоль праваго берега р. Атрека, до впаденія въ него р. Сумбара, долиною послѣдней до разрушенной туркменской крѣпостцы Бизыль-Арвата, отсюда, чрезъ кол. Динаръ, по направленію къ кол. Игды (у стараго русла Аму) и затѣмъ на кол. Ортакую и Дудуръ, къ Измышвиру и Хивѣ. Двѣ трети этого пути не изслѣдованы; примѣрное же разстояніе по немъ до Хивы около 765 верстъ.

Всѣ перечисленные пути представляютъ, въ общемъ, большія трудности для движенія значительныхъ отрядовъ по недостатку воды и кормовъ. Это хорошо знаютъ хивинцы и потому-то они до сихъ поръ оставались вполне увѣренными, что свитые оградятъ древнюю страну Харезма отъ чужеземнаго нашествія. Разъ же отряду удалось достигнуть предѣловъ ханства, то рассчитывать на упорное сопротивленіе жителей едва-ли возможно.

А. Ш.

(*) Военно-топографическое описаніе этихъ путей будетъ помѣщено въ ближайшей книжкѣ «Военнаго Сборника». *Ред.*

1873. № 105.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

22-го апрѣля 1873 года.

Состояніе культуры Хивинскаго ханства описываетъ замѣчательнымъ образомъ капитанъ Джемсъ Абботъ, въ книгѣ, имъ изданной, изъ которой газета „Times“ сообщаетъ наиболѣе важныя мѣста въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ нумеровъ. Капитанъ Абботъ былъ посланъ въ Хиву, въ 1839 г., въ качествѣ дипломатическаго агента; онъ имѣлъ, слѣдовательно, полную возможность изучить мѣстныя условія и описать страну съ полнымъ знаніемъ дѣла. По свѣдѣніямъ, имъ сообщаемымъ, ханство занимаетъ около 45,000 квадратныхъ миль, на которыхъ разселено до 1.660,000 свободныхъ туркменъ, узбековъ, киргизовъ и до 700,000 невольниковъ, изъ которыхъ около 30,000 персовъ. Все, что рассказываетъ капитанъ о грубости нравовъ, о скудной пищѣ народовъ, о жалкихъ глиняныхъ мазанкахъ и грязныхъ селеніяхъ, въ которыхъ живетъ населеніе Хивы, о лукавствѣ туркменъ и объ отношеніяхъ ихъ къ хану, котораго они называютъ „отцомъ побѣдъ“, располагаетъ крайне мало въ пользу страны и заставляеть сомнѣваться въ предположеніи, чтобы Россія желала завладѣть ею, будто бы ради ея плодородія и въ особенности ради ея хлопчатобумажныхъ плантацій. Городъ Хива укрѣпленъ. Ханъ живетъ въ цитадели, выстроенной изъ кирпича и стоящей въ одномъ изъ угловъ городскихъ укрѣпленій. Близъ воротъ этого зданія помѣщается артиллерія, которая состоитъ вся изъ двадцати двухъ орудій 6—12 фунтоваго калибра. Однообразныя постройки города обнесены высокою, обмазанною глиной стѣною, съ башнями по угламъ; большія ворота ведутъ внутрь ограды. Въ домахъ въ одномъ отдѣленіи живутъ мужчины, въ другомъ женщины. Всѣ три племени, изъ которыхъ состоитъ хивинское населеніе, узбеки, туркмены и киргизы, щеголяютъ другъ передъ другомъ крайнею нечистоплотностью, послѣднимъ слѣдуетъ, однакожъ, отдать пальму первенства еще и въ томъ отношеніи, что жен-

щины ихъ—безобразнѣйшія существа въ мірѣ. Узбеки, по словамъ капитана Аббота, предаются всевозможнымъ отвратительнымъ порокамъ. Туркмень, набирающій для узбека невольниковъ, ведетъ жизнь кочевую, какъ и казакъ. Онъ изготовляетъ знаменитые хивинскіе ковры и цыновки и изъ трехъ вышеупомянутыхъ племенъ явпо заслуживаетъ предпочтеніе. Какъ видно, въ трезвыхъ голосахъ въ Англіи недостатка нѣтъ, и однако она бьетъ тревогу время отъ времени. Наша экспедиція противъ этого варварскаго и грабительскаго ханства снова подняла одну изъ такихъ тревогъ.

Въ настоящую минуту, когда три колонны нашего войска двинулись на Хиву, въ лондонской публикѣ и прессѣ снова обнаружались признаки давней болѣзни, называемой „руссофобіею“: въ парламентѣ серьезно обсуждались возможность тайнаго движенія русскихъ на Герать и захвата персидской территоріи полковникомъ Маркозовымъ къ югу отъ Атрека и Гургана. Но среди этого хора предостереженій и опасеній прозвучалъ голосъ какого-то безыменнаго англичанина, не безъ юмора подсмѣивающагося надъ своими согражданами: въ редакцію газеты „Daily News“ прислана статья „Въ защиту Россіи“, въ которой доказывается, что когда русскіе достигнутъ Хивы, они будутъ значительно далѣе отъ Афганистана и англо-индѣйской имперіи, чѣмъ теперь, на постахъ своихъ въ Бухарѣ и Самаркандѣ. Переходя къ причинамъ войны, авторъ говоритъ далѣе, что причинъ болѣе законныхъ нельзя и придумать, чѣмъ та, что война освободитъ, сотни плѣнныхъ изъ оковъ татарскихъ. „Государь російскій, по великодушію, не намѣренъ присоединить Хиву къ своимъ владѣніямъ, но съ точки зрѣнія гуманной (пишетъ авторъ статьи) весьма жаль, что онъ не кочетъ оставить за собою эту хищническую страну, одинаково опасную для сосѣдей своихъ какъ Россіи, такъ Персіи. Что же касается криковъ негодованія, раздающихся по поводу того, что русскіе проникаютъ слишкомъ далеко на востокъ, то Россія по истинѣ могла бы съ лихвою воздать въ этомъ отношеніи Англіи. Между тѣмъ, отвѣтъ Россіи на ноту лорда

Гренвилля отличается крайнею умѣренностью и вѣжливостью; опредѣленіе со стороны Англій границъ Афганистана также принято Россіею съ готовностью, несмотря на то, что эмиру афганистанскому отмежеваны при этомъ случаѣ земли, на которыя онъ имѣлъ до сихъ поръ весьма сомнительное право собственности“.

Въ заключеніе, анонимный авторъ статьи замѣчаетъ, что афганцы воспротивятся первые непріятельскому нашествію, и англичане, въ случаѣ такого покушенія со стороны русскихъ, будутъ имѣть въ афганцахъ наиболѣе энергическихъ союзниковъ. И наоборотъ, было бы крайне неразумно послѣдовать совѣту, какой подавала въ 1868 г. „Saturday Review“,— овладѣть Афганистаномъ, такъ какъ союзники обратились бы въ враговъ и немедленно перешли бы на сторону Россіи. Анонимный авторъ, какъ по всему видно, принадлежитъ къ такъ называемой манчестерской школѣ англійскихъ политиковъ и весьма было бы желательно, чтобы Англія послѣдовала совѣтамъ Ричарда Кобдена, который, какъ извѣстно, всѣми силами своего ума старался излѣчить предубѣжденныхъ своихъ соотечественниковъ отъ боязни, какую внушала имъ Россія.

Въ отчетѣ о засѣданіи нижней палаты по средне-азіатскому вопросу, „Saturday Review“ замѣчаетъ, что въ сущности всѣ ораторы сходились въ мнѣніяхъ на томъ, что слѣдуетъ держаться политики наблюдательной и осторожной. Газета придаетъ большое значеніе вопросу объ огражденіи Персіи отъ русскаго вліянія и указываетъ на фактъ, что въ самомъ началѣ настоящаго похода русскія войска ступили на персидскую территорію, не встрѣтивъ никакого противодѣйствія со стороны персидскаго правительства. По важности значенія Персіи въ средне-азіатскомъ вопросѣ, въ Англій наставляютъ теперь на необходимости назначать персидскаго посланника не отъ министерства иностранныхъ дѣлъ Англій, а отъ индійскаго правительства. „Само собою разумѣется, пишетъ „Saturday Review“, что въ Индіи знакомы ближе съ отношеніями Англій къ

центральной Азии, чѣмъ въ Лондонѣ и что лицо, прошедшее дипломатическую школу на службѣ въ Индіи, съумѣетъ отстаивать интересы Индіи—а слѣдовательно и Англіи—въ Тегеранѣ вѣрнѣе, чѣмъ тѣ господа, которые наблюдаютъ надъ ними изъ Европы“. Въ силу такихъ соображеній „Saturday Review“ положительно стоитъ за мысль кредитовать ко двору шаха лицо опытное и свѣдующее въ дѣлахъ Индіи.

Депутация изъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ членовъ лондонскаго „общества ремеслъ“ имѣла на-дняхъ аудіенцію у министра, завѣдывающаго дѣлами Индіи, герцога Арджилль, чрезъ котораго она обратилась къ правительству съ просьбою облегчить для нихъ торговля сношенія съ центральною Азіею чрезъ посредство настоящаго правителя восточнаго Туркестана, Аталыгъ-Газы, а также и о томъ, чтобы были исправлены пути сообщенія чрезъ Непаль и Тибетъ. Герцогъ отвѣчалъ депутации, что онъ только что получилъ отъ вице-короля Индіи чрезвычайно удовлетворительный во всѣхъ отношеніяхъ и подробный отчетъ о дѣйствіяхъ посольства, бывшаго въ Индіи отъ Аталыгъ-Газа, и что вице-король въ то же время увѣдомляетъ его о намѣреніи отправить также посольство къ правителю восточнаго Туркестана: на членовъ этого посольства будетъ возложено порученіе изыскать наилучшіе пути сообщенія. Что же касается путей именно на Непаль и Тибетъ, то министръ выразилъ сожалѣніе, что пути эти находятся въ состояніи неудовлетворительномъ, но ничего положительнаго обѣщать депутации не могъ, прежде чѣмъ снесется съ вице-королемъ Индіи, котораго, сказалъ онъ, вопросъ этотъ озабочиваетъ въ высшей степени.

Бирючев. Вѣст. 1874. № 76.

Свѣдѣнія о хивинскомъ

ханѣ.

все мѣсяцъ.

О нынѣшнемъ хивинскомъ ханѣ мы получили отъ г. *Ибрагимова* слѣдующія нелишенные интереса свѣдѣнія:

По смерти Сеидъ-Мухамедъ-хана, въ 1864 г., на хивинскій престолъ, по праву первородства, вступилъ старшій сынъ его, ханствующій въ настоящее время Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-ханъ, которому теперь отъ роду 28 лѣтъ; слѣдовательно онъ занялъ престолъ отца 18-ти лѣтъ.

Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-ханъ высокаго роста, брюнетъ, рябоватъ, по типу лица составляетъ что-то смѣшанное средне-кавказской расы съ монгольской, общителенъ, держитъ себя довольно гордо, какъ подобаетъ средне-азиатскому властелину; особеннаго образованія, какъ и всѣ средне-азиатскіе ханы, не получилъ, говоритъ на узбекскомъ нарѣчій, вставляя въ каждую фразу то персидскія, то арабскія слова; въ костюмѣ мы замѣтили только нѣкоторыя отличія отъ своихъ подданныхъ, какъ-то черный кусокъ кожи, полукруглой формы, пришивается съ передней стороны на голенищахъ сапогъ; на халатахъ носитъ филиграновую застежку.

Онъ имѣеть двухъ женъ, отъ которыхъ трое дѣтей; старшему сыну 5—6 лѣтъ.

Вступленіе на престоль молодого хана сопровождалось разными опеками честолюбивыхъ сановниковъ ханства и продолжалось даже до занятія нами хивинскаго ханства, лицами въ родѣ Мадмурадъ-деванъ-беги. Внушенія и совѣты этихъ сановниковъ всегда клонились въ ихъ собственную пользу, почему, дѣйствуя именемъ хана, какъ въ дѣлахъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, они привели, въ концѣ концовъ, ханство въ такое хаотическое положеніе, результатъ котораго отражается и по настоящее время. Вотъ почему Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-ханъ и по сіе время не выработалъ положительныхъ, самостоятельныхъ взглядовъ на управленіе ханствомъ, въ чемъ сознался и самъ ханъ въ откровенной бесѣдѣ.

По взятіи Хивы, командующій войсками учредилъ временной совѣтъ для рѣшенія дѣлъ подъ предсѣдательствомъ самого хана; члены состояли изъ русскихъ и туземцевъ, — послѣдніе были по выбору хана. Ханъ, послѣ нѣсколькихъ засѣданій въ совѣтѣ говорилъ намъ: „Я, какъ теперь подумаю, былъ до настоящаго времени какъ дитя въ дѣлахъ; говоря откровенно, я ничего не понималъ; оказывается — быть ханомъ не легко“.

О прошедшей жизни хана мы ничего не знаемъ.

Въ сношеніяхъ съ русскими мы замѣтили миролюбивое настроеніе, безъ всякой задней мысли, какъ это дѣлають другіе средне-азиатскіе властелины, подъ временнымъ страхомъ; держитъ данное слово, вообще честенъ и не вѣроломъ, что подтвердилось послѣдующими дѣйствіями хана и исполненіемъ пока всѣхъ обѣщаній, которыя далъ онъ генераль-губернатору Туркестанскаго края.

У Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-хана два брата: старшаго зовутъ Атаджанъ-тюря (Сеидъ - Ахмедъ-тюря) и младшаго — Сеидъ-Мурадъ-тюря.

Атаджанъ-тюря 23-хъ лѣтъ, женатъ, имѣеть дѣтей, высокаго роста, худощавъ, рябой, легкомысленнаго и безпокойнаго характера.

Во время управленія ханством Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-хана, до взятія Хивы, Атаджанъ-тюря, желая имѣть вліяніе въ дѣлахъ ханства, собиралъ около себя всѣхъ недовольныхъ ханомъ, но значительной партіи, которая могла бы служить оппозиціей противъ хана и его сторонниковъ, собрать не могъ. Болѣе дальновидный ханъ, зная всѣ его продѣлки и замыслы, смотрѣлъ на все это равнодушно и всегда старался удаляться общества брата, объясняя это тѣмъ, что Атаджанъ-тюря „характеромъ вспыльчивъ и умомъ не дальній“; и когда приходилось ему имѣть съ нимъ столкновеніе, то онъ всегда направлялъ его для объясненія къ своему сановнику Мадмурату. Однажды ханъ, узнавъ чрезъ мать, что Атаджанъ-тюря, вмѣстѣ съ однимъ персіяниномъ, приготовляетъ ему шербетъ съ зельемъ, чтобы отравить его, ханъ, удостовѣрившись въ дѣйствительности сказаннаго матерью, приказалъ отрѣзать уши персіянину, который былъ пойманъ въ то самое время, когда онъ готовилъ вышесказанный напитокъ, а своего брата приказалъ подвергнуть домашнему аресту, приставивъ часовыхъ къ его дому.

Отъ азіатскаго владыки трудно было ожидать такого мягкаго наказанія своему преступному брату, и потому можно ожидать, что онъ по характеру своему способенъ усвоить, со временемъ, европейскій взглядъ на вещи.

Объ Атаджанъ-тюря не безынтересно будетъ сказать еще слѣдующее:

29 мая, въ день взятія Хивы, онъ выѣхалъ съ другими сановниками ханства на встрѣчу командующему войсками; во главѣ этой депутаціи былъ дядя хана Сеидъ-Махмутъ-тюря (Эмиръ-уль-Умара); Атаджанъ-тюря какъ бы скрывался за нимъ, а когда генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, обративъ вниманіе на его молодость, спросилъ, кто онъ такой, то онъ назвалъ себя хивинскимъ ханомъ.

6 іюня, уже по занятіи нами Хивы, является къ генераль-адъютанту фонъ-Кауфману Атаджанъ-тюря съ просьбою слѣдующаго содержанія: „Я былъ несправедливо арестованъ

ханомъ въ продолженіи 7 мѣсяцевъ; но уходя изъ Хивы хана, народъ освободилъ меня изъ подъ ареста, за что я служилъ ему, разбирая претензіи, рѣшая ихъ дѣла. Ханъ пріѣхалъ, теперь я желаю привести въ исполненіе давнишнее желаніе—поѣхать на поклоненіе въ Мекку“. Когда получилъ разрѣшеніе отъ командующаго войсками на поѣздку въ Мекку, онъ безпрестанно сталъ измѣнять свой маршрутъ, вмѣстѣ съ выбранными имъ для совмѣстнаго слѣдованія людьми.

Въ первый разъ онъ собрался ѣхать въ Мекку чрезъ Петербургъ, въ слѣдующій чрезъ Казалинскъ, въ третій чрезъ Кендырлы, въ четвертый на Мервъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неоднократно мѣнялъ время своего выѣзда изъ Хивы, такъ что трудно было понять, чего онъ хочетъ; кончилось, наконецъ, тѣмъ, что онъ выѣхалъ изъ Хивы 1 августа 1873 года и поѣхалъ на Кендырлы въ Тифлисъ. Въ настоящее время онъ, Атаджанъ-тюря, находится въ Тифлисѣ.

Младшій братъ хана Сеидъ-Мурадъ-тюря 18—19 лѣтъ, женатъ, роста высокаго, очень полный, никакой роли въ ханствѣ не играетъ и ни въ какія дѣла не вмѣшивается; онъ намъ показался весьма апатичнымъ ко всему окружающему.

Туркестан. Вѣд. 1874 № 135.

ИЗЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Еще нѣсколько данныхъ къ характеристикѣ хивинскаго хана, Мадъ-мурата и Атажана. (Корреспонденція «Бирж. Вѣд. изъ Эмбенскаго поста».)

Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ помѣщена была, пишутъ намъ изъ Эмбенскаго поста, замѣтка г. Ибрагимова, посвященная характеристикѣ хивинскаго хана Сеить-Мухамедъ-Рахима, позвольте дополнить эту замѣтку нѣкоторыми новыми данными, касающимися личности хана.

Г. Ибрагимовъ совершенно справедливо говоритъ, что все ханствованіе Сеить-Мухамедъ-Рахима происходило подъ опекою, но только не разныхъ лицъ, какъ сказано въ замѣткѣ. Руководителемъ былъ одинъ только Мадъ-муратъ-диванъ-беги, который былъ въ этой должности при Сеидъ-Мухамедъ-Рахимѣ еще тогда, когда онъ былъ наслѣдникомъ. Собственно говоря, „диванъ“ — это званіе управляющаго. Диванъ-беги — ханскій главноуправляющій, онъ же и 1-й секретарь и 1-й министр! Личность эта интересна.

Мадъ-муратъ-диванъ-беги сынъ раба купленнаго покойнымъ ханомъ изъ Авгана; человекъ весьма неглупый, красивый наружностію, но властолюбивый, гордый и алчный до крайности.

Этотъ-то человекъ, вполне овладѣвъ слабымъ и слабохарактернымъ ханомъ, деспотически управлялъ ханствомъ т. е. эксплуатировалъ страну самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Чтобы удобнѣе руководить ханомъ, онъ причилъ его курить опиумъ, къ которому Сеидъ-мухамедъ-Рахимъ пристрастился; далѣе, онъ постепенно расположилъ хана къ употребленію винъ (ханъ завелъ порядочный складъ европейскихъ виноградныхъ винъ, чего прежде небыло и что запрещается) и наконецъ развилъ въ немъ до крайности эротическія наклонности.

Въ положеніе народа ханъ не входилъ: считалъ это для себя унижительнымъ. Обычаевъ узбекскихъ совершенно не знаетъ, приближенныхъ не имѣлъ и ни какихъ совѣтовъ, кромѣ какъ отъ Мадъ-мурата, не принималъ. Послѣдній же старался всѣми силами, чтобы удалить хана отъ всѣхъ дѣлъ и доставить больше удовольствія и развлеченій.

Вся дѣятельность хана ограничивалась тѣмъ, что онъ показывался народу на одинъ или два часа въ извѣстные дни, чтобы приять просьбы и жалобы „нуждающихся и угнетенныхъ“ (это считалось главною его обязанностію). Затѣмъ, передавъ всѣ дѣла на усмотрѣніе и разборъ Мадъ-мурата, возвращался къ своимъ любимымъ занятіямъ.

Но такъ какъ Мадъ-муратъ безъ взятки ни какого дѣла не разбиралъ и рѣшалъ всегда въ пользу того, кто болѣе дастъ, то народъ, видя, что жалобы на Мадъ-мурата безсильны, сталъ просить брата хана, Сеить-Ахмета, онъ же Атажанъ-тюря. Атажану, съ помощію матери хана, вдовы покойнаго хана Сеить-Мухамеда, удалось уговорить Сеидъ-Мухамедъ-Рахима или, какъ его величаютъ въ Хивѣ „Медреимъ-хана“ разбирать дѣла въ своемъ присутствіи, по шаріату.

Личность Атажана весьма симпатичная и заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ.

Атажанъ-тюря готовился къ духовному поприщу, получилъ воспитаніе у лучшихъ муллъ въ Хивѣ и считается между азіатцами ученымъ (тогда какъ ханъ не знаетъ шарегата). Но Атажанъ не подчиненъ ни тѣмъ предразсудкамъ, ни тому фанатизму, которые свойственны ученому среднеазіатскому мусульманину. Какъ мулла, онъ врагъ пьянства и бачей, поэтому поведеніе Мадъ-мурата и Медреимъ-хана, его возмущало и онъ всегда возставалъ въ разговорахъ своихъ не противъ хана, а про-

тивъ его пороковъ. Атажанъ-тюря умный человекъ; онъ стоитъ далеко выше своей среды; весьма кротокъ, но пылкій и увлекающійся мечтатель.

Наслышавшись отъ купцовъ, побывавшихъ въ Россіи, о европейскихъ порядкахъ, онъ мечталъ о томъ, чтобы посѣтить Россію, а потомъ перенести русскіе порядки на свою родную почву. До октября мѣсяца 1872 года онъ жилъ въ собственномъ своемъ дворцѣ и владѣлъ нѣсколькими садами и клочкомъ земли, доставшимся ему по наслѣдству отъ Сендъ-Мухамедъ-хана, который раздѣлилъ свое имущество 3-мъ своимъ сыновьямъ поровну.

Ханъ нѣкоторое время внималъ совѣтамъ, но не долго. Лишаясь, вслѣдствіе агитаціи Атажана части своихъ доходовъ, Мадъ-муратъ-диванъ-беги подговорилъ одного персіянина сдѣлать хану доносъ, что Атажанъ-тюря собираетъ будто бы народъ, подстрекаетъ его убить Медреима и желаетъ самъ сдѣлаться ханомъ. Распущены также были слухи, что Атажанъ желаетъ отравить хана посредствомъ своихъ приближенныхъ. Ханъ, подъ вліяніемъ Мадъ-мурата, повѣрилъ клеветѣ, приказалъ схватить Атажана и приближенныхъ его Халифе-диванъ-беги и Кадама и казнить всѣхъ ихъ. Халифе, былъ посаженъ публично на колъ; Кадаму отрѣзана голова маленькимъ ножомъ, а Атажанъ избѣгъ смертной казни, только благодаря горячему вмѣшательству и заступничеству вдовствующей матери, которая умоляла сына пощадить брата.

Кому извѣстны хивинскіе обычаи, тому будетъ вполне понятна несостоятельность приписываемаго Атажану намѣренія отравить хана. Не только ханъ, но даже никто изъ простыхъ хивинцевъ никогда не принимаетъ никакой пищи изъ чужихъ рукъ и неѣстъ ничего (кромя фруктовъ) въ гостяхъ. Пища готовится самими преданными и довѣренными слугами и ими же подается.

Атажанъ-тюря былъ подверженъ ханомъ не домашнему аресту, какъ сообщалъ г. Ибрагимовъ, но помѣщенъ былъ въ отдѣльномъ замкѣ—Ильчиханѣ, гдѣ Атажанъ и сидѣлъ 7 мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ къ нему былъ воспрещенъ всякій доступъ не только постороннихъ лицъ, но даже его жены и матери, и гдѣ давалось ему въ пищу только по одно-

му „чуреку“ (небольшая лепешка изъ пшеничной муки) и чашка воды. Въ послѣднее же время порціи хлѣба и воды были еще уменьшены. Имущество Атажана было конфисковано Мадъ-муратомъ и роздано его приближеннымъ.

Но не довольствуясь этимъ, Мадъ-муратъ имѣлъ явное намѣреніе или уморить Атажана голодомъ, или, приучивъ его курить опиумъ, сдѣлать изъ него идіота.

Съ послѣдней цѣлью онъ приставилъ къ Атажану двухъ хивинцевъ Аташа и Баби, которые извѣстны какъ сильнѣйшіе употребители опиума. Мадъ-муратъ приказалъ имъ быть безотлучно при Атажанѣ и доставлялъ имъ опиумъ, чтобы приучить его курить.

Въ такомъ положеніи дѣла оставались до прибытія Оренбургскаго отряда къ стѣнамъ Хивы, именно до 28 мая прошлаго 1873 года. Съ этого числа мы являлись очевидцами происходившихъ въ Хивѣ событій. 28 мая Сеидъ-ханъ выѣхалъ противъ русскаго отряда. Въ глазахъ его была взята храбрыми Апшеронцами батарея изъ 4 орудій, расположенная за каналомъ у стѣны Хивы, и когда около хана былъ раненъ (кажется осколкомъ гранаты), въ ногу молодой сынъ Мадъ-мурата, ханъ бросился въ городъ, но хивинцы заперли ему ворота и не пустили его. Ханъ бѣжалъ къ туркменамъ. Въ Хивѣ же громадная толпа народа бросилась къ замку—Ильчичану, освободила Атажана и провозгласила его ханомъ. Черезъ нѣсколько часовъ по освобожденіи своемъ онъ съ больнымъ своимъ дядей Эмеръ-эль-исламомъ отправился въ лагерь генераль-адъютанта Кауфмана, бывшій на пути отъ Хазараспа къ Хивѣ.

Если Атажанъ-тюря въ это время объявилъ себя ханомъ, то это не было съ его стороны самозванствомъ: народъ провозгласилъ его своимъ властелиномъ, и еслибы хивинцы были въ то время спрошены кого они желаютъ имѣть ханомъ: Медренма, который раззорилъ ихъ и раззоряетъ теперь, или Атажани? то всѣ стали бы на сторонѣ послѣдняго.

Черезъ нѣсколько дней послѣ освобожденія мы видѣли Атажана. Это былъ движущійся скелетъ. Кости обтянуты кожей, но клѣтчатки положительно не было. Твердую пищу онъ не могъ принимать и питался однимъ молокомъ, которое съ трудомъ пропускалъ въ гор-

ло небольшими глотками. Благодаря участию доктора С., который пользовалъ его, онъ сталъ по немногу поправляться. Нѣтъ сомнѣнiя, что онъ обязанъ своею жизнью прибытiю Оренбургскаго отряда. Еще недѣля такого заключенiя и Атажанъ долженъ былъ умереть. Юный организмъ его не перенесъ бы подобныхъ пытокъ.

Послѣ возвращенiя Медреима въ Хиву (въ 1-хъ числахъ iюня 1873 г.) и признанiя его ханомъ, Атажанъ понялъ, что ему оставаться въ Хивѣ дольше нельзя было. Онъ рѣшилъ окончательно тогда же ѣхать въ Россiю, о чемъ и объявилъ многимъ въ Оренбургскомъ отрядѣ, въ интимномъ разговорѣ. Официально же онъ дѣйствительно говорилъ, что ѣдетъ въ Мекку, чтобы не вооружить противъ себя невѣжественный народъ хивинскiй, который въ то время былъ крайне враждебно настроенъ противъ Россiи. Атажанъ могъ выѣхать изъ Хивы не иначе какъ съ возвращенiемъ отрядовъ; ранѣе же онъ не имѣлъ возможности начать свое путешествiе по двумъ весьма важнымъ причинамъ; во первыхъ, Атажанъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ для путешествiя, такъ какъ имущество его было конфисковано и роздано приближеннымъ хана, и Атажанъ дошелъ до того, что продавалъ свои вещи: саблю, поясъ и кольца, и едва только могъ сформировать себѣ кое-какой караванъ ко времени выступленiя русскаго отряда, чтобы пройти по Усть-Урту. Во вторыхъ, Атажанъ отправиться одинъ изъ Хивы не могъ: еслибы поѣхалъ, то непременно былъ бы разграбленъ или туркменами или же, подъ именемъ туркменъ, ханскими слугами и убитъ.

Въ настоящее время Атажанъ уже въ Тифлисѣ. Онъ поступилъ на русскую службу и принятъ прямо прапорщикомъ въ 15 Тверской драгунскiй полкъ.